

- 9 АВГ 1978

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАБЛИЦА

с. МОСКВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАЙНУ

БИБЛИОТЕКА
8-й СТРАНИЦЫ

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ начинает книгу «Эстафета искусства» откровенным и простодушным признанием: «писать было интересно». Давно замечено: если автор писал с увлечением, то и читать увлекательно. При одном, впрочем, условии — когда пишущий духовно богаче читающего, когда он способен выразить словами то, о чем читатель либо вовсе не подозревал, либо только смутно догадывался. В данном случае это условие соблюдено с большим превышением нормы. Мыслями об искусстве щедро делится с нами человек, который отдал искусству всю долгую жизнь и много лет кряду старается постигнуть законы, которым повинуются художественное творчество. С другой же стороны (знаем по прежним его книгам!), Сергей Образцов — один из очень немногих мастеров, чье дарование смолоду не умахалось в пределах его собственного, всему миру известного искусства и с завидной непринужденностью продолжалось и продолжается в сфере писательской.

Литературная манера Образцова подкупает удивительной простотой. Он пишет естественно, серьезно, нередко с юмором, будто улыбаясь сквозь фразу, однако же никогда не поддаваясь соблазну сложное упростить. Его простота — простота сильной и смелой мысли, пробивающейся к истине во всеоружии массивного опыта, почти универсальных познаний, мысли, властно увлекающей нас за собой. Он вспоминает, размышляет, догадывается, сопоставляет несопоставимые, казалось бы, творения, а мы?.. А мы и оглянуться не успели, как очутились где-то рядом с автором, вместе с ним бродим по Лувру или Эрмитажу, из-за его плеча вглядываемся в полотна живописцев, в фотографии, кадры из кинофильмов, в эпизоды спектаклей и стараемся поспевать за быстрым бегом его ума.

Кто не задумывался о том, какие перемены произошли в искусстве, когда в сложившуюся издревле семью муз внезапно ворвались новички, незванные пришельцы, побочные дети прогресса науки и техники: фотография, кино, радио, телевидение? Кому не доводилось спорить, вытеснит ли кинематограф из жизни искусство сценическое? Перекроет ли телевидение все возможности кинематографа? Кто не вспоминал и более давние прения о сравнительных преимуществах или недостатках живописи и фотографии?

Да, именно этот круг вопросов занимает автора «Эстафеты искусств». Но все эти вопросы Сергей Образцов ставит иначе, в новом аспекте. Ему важно понять, чем фотография, к примеру, обогатила средства выразительности живописи, как молодое искусство — кинематограф — раздвинуло перспективы древнего искусства театра и что в свою очередь едва появившееся кино получило от еще более молодого телевидения? Идею вытеснения одного искусства другим Образцов отменяет. Ведь, в сущности, уже на протяжении жизни автора, который прекрасно помнит, сколь несовершенны были ранние кинофильмы, как неуверенно и робко осваивались в нашем мире и фотография, и радио, и телевидение, стало ясно, что древним классическим искусствам они не угрожают, что, совершенствуясь и набирая силу, «новички», тем не

менее свергнуть старожилы не в состоянии. Но и другое обнаружилось. Явственно открылась интереснейшая, доныне мало изученная, полная динамики, напряженных исканий и совершенно неожиданных находок панорама интенсивнейшего взаимодействия буквально всех — и «новых», и «старых» — искусств. Вся история художественного творчества в XX веке распахнулась перед нами как стремительный процесс самоопределения искусств, одновременно и обогащения, и очищения каждого из них.

Когда мы говорим, что такой-то кинофильм театрален — это не похвала. Когда мы замечаем, что пейзаж, написанный маслом или акварелью, похож на цветное фото, нас это не радует. С другой же стороны, мы знаем теперь (а многое от Образцова впервые узнаем), как усилились и пополнились средства выразительности живописи — за счет фотографии, театра — за счет кинематографа и телевидения и т. д., и т. п. Одна из лучших глав книги названа весело: «Вместе тесно, а врозь невозможно». В такой вот шутилой формуле концентрирует Образцов саву

тую суть характерной для нашего времени «диффузии», взаимопроникновения искусств.

«Диффузия» началась задолго до возникновения новых искусств: недаром же С. Образцов напоминает об операх и балетах, сочиненных по мотивам великих произведений литературы. Он замечает, правда, явно противореча ходу собственной мысли: «Вряд ли продолжится путь, начатый балетом «Анна Каренина», поставленным в Большом театре. Не могу себе представить, что в творчестве Толстого или Достоевского самое ненужное — это слова». Боюсь, что замечание это опрочетливо. Балет возникает как хореографическая фантазия, одушевляемая словом Шекспира или Толстого, Достоевского или Пушкина, и почему шекспировский балет возможен, а толстовский будто бы немислим, Образцов не говорит, а мы с ним не соглашаемся.

Такого рода споры с автором возникают, когда читаешь книгу Образцова, довольно часто, и чаще всего — именно по конкретным поводам. Он это предвидел. В предисловии упреждал: «...Мно-

гие из вас будут несогласны с моими взглядами. Кто в одном, кто в другом случае. Ну что ж поделаешь! Иду на этот риск сознательно...»

Эти слова — лукавые, тут не риск, а расчет. Сергей Образцов лучше нас с вами знает, что всякое путешествие к самой сердцевине искусства есть путешествие в тайну, чье имя — талант. Легко распускать, пока не сталкиваешься с его победоносным своеволием. Априори более чем естественно было бы утверждать, что безмолвное искусство балета ни в коем случае не может — и пытаться не смеет! — выразить красноречивое многословие шекспировских трагедий. Травмы, которые будут нанесены Шекспиру, заранее поддавались подсчету. Слова о том, что готовится некое кощунство, сами просились на язык. Но явился Сергей Прокофьев, написал великий балет «Ромео и Джульетта», и никто этих слов не произнес. Ибо никто — ни один человек — не знает, что возможно, а что невозможно в искусстве. Оттого-то С. Образцов заранее предвидит неизбежные возражения — по тому ли, другому ли поводу —

и им радуется. Его книга ставит читателя снова и снова ломать голову над загадками, которые преподносит нам — и будет преподносить! — вечно меняющееся искусство.

Одна сфера художественного творчества, к сожалению, мало затронута автором — искусство книги. Между тем среди тех радостей, которые в XX веке подарила художникам наука, стоит отметить и неизмеримо более широкую, нежели прежде, возможность издания книг, обладающих собственной силой эстетического воздействия на читателей и зрителей. «Эстафета искусств» — книга такого свойства. Ее не только читаешь с увлечением, ее жадно разглядываешь, рассматриваешь иллюстрации, восхищаешься тем, как сделан макет, снова и снова перелистываешь, пока не доберешься до конца, где обозначены фамилии помощников автора и издательства «Искусство» — редактора А. М. Сандлер, художника А. А. Семенова, художественного редактора Г. К. Александрова, выполнивших свою работу с любовью.

К. РУДНИЦКИЙ